

Utro Russiye. 1910, November 2, no. 289, p. 2.

Утро России. 1910. 2 ноября, № 289. С. 2.

Quoted in Val'kova, S. V. Rachmaninoff: Chronicle of Life and Works, vol. 2, p. 479

Eight days ago¹, Sergei Rachmaninoff² performed in the great hall of the Vienna Conservatory before a large, brilliant audience that filled it to capacity, and only today have some reviews appeared in the press. Meanwhile, the enthusiasm with which the Russian composer was greeted is rare in Vienna. The large public, virtually unfamiliar with Rachmaninoff's name, immediately understood, without any warning, the usual publicity, or the hype usually raised by an impresario, that before them stood an artist of great power and rare talent. And the reception given to Rachmaninoff exceeded all expectations. Small notices appearing in newspapers today confirm Rachmaninoff's success. Serious music critics recognize him not only as an original, individually powerful composer, but also consider him an outstanding pianist. In Vienna, where Rubinstein was considered one of their own, where Sauer and Godowsky performed, it's not so easy to earn such attention. Rachmaninoff himself was unsure of his victory over the Viennese. And his surprised expression testified to the fact that all these challenges, all the Viennese enthusiasm, seemed unexpected, almost incredible.

"Isn't that what you call success?" Rachmaninoff asks me, his lower lip trembling with excitement, despite the outward calm with which he awkwardly conceals his state. In the large, uncomfortable "dressing room," Rachmaninoff awaits the end of the concert, in which he was merely a participant. "Thank you for coming," he says to me, and we continue our conversation in low voices.

"I won't go to Paris, no," says Rachmaninoff. "A whole month of wandering around the German lands, that's what awaits me. The thought of performing in Vienna pleased me, but even more so the thought of performing in Moscow in a month. Only there do you understand the meaning of performing, only there are you happy when you play. But the final goal pleases me most of all. After Moscow, the countryside awaits me. There I will forget about the concert tour and take up great work again. The thought of opera attracts me... Almost everything has come together, has taken concrete form... Perhaps everything will be modified. Perhaps it will result in a new concerto. But for now, all thoughts are directed towards opera. In the countryside I will be able to give in to my desires... Nothing will interfere."

Our conversation touched on the crisis of the Vienna Opera. I told Rachmaninoff about a wonderful undertaking that was nearing completion thanks to the influence of the Viennese press. The opera here, as in Moscow, at the Bolshoi Theatre, is experiencing a conductor's crisis. After Mahler, it's difficult to find a talented conductor who is also a good administrator. And in the daily struggle against failure, they came to the conclusion that, above all, they needed someone who could subjugate all the artists, who could influence them with their artistic personality, and unite everyone around them in the name of a single, grand idea. This idea, of course, will change along with the work currently being staged. And the system of conducting tours at an institution such as the Vienna Opera should not be intimidating. No one can stage and convey Mozart the way Mahler does. Why can't Mahler and others be invited alongside the opera's permanent conductor and director?

Rachmaninoff is delighted with this undertaking.

"I wish we had the same for the Bolshoi Theatre", he says.

I recall that negotiations were underway about him, too, and that they were trying to attract Rachmaninoff to a nearly identical role at the Bolshoi Theater. But he, with genuine horror, is fighting back against this suggestion with all his might.

"I'll never go," he says, "even if they offer a lot of money³. They don't need a man like me. Everyone was blaming Fedya, shouting: "Chaliapin is a troublemaker!" That's true," Rachmaninoff laughs, "Fedya is a troublemaker. They're afraid of his 'spirit'. What if he suddenly shouts, or even hits! But Fedya has a mighty fist... And he'll stand up for himself... But how else can it be? After all, our backstage is like a tavern. They yell, drink, swear like crazy. Where's the creativity and the opportunity to work here? They need the 'troublemaker' Chaliapin, from whom everyone hides in corners to avoid a scandal. But that's not work either, it's constant irritation and a hostile attitude of subordinates towards their boss. Under such conditions, nothing can be created. And yet, a lot can be created..."

Rachmaninoff's words contain a lot of bitterness and soft, sad mockery in relation to the conditions in which he had to work in his homeland.

"A tavern, not a theatre," Rachmaninoff tells me, leaning against the piano and gracefully flinging his arm over his closely cropped head. And I look at this European figure, with his truly Russian face, deeply thoughtful, almost pained, and yet so gentle. I look and remember "Fedya," a man of great talent, nurtured and nourished by the Russian soil, raised by the great spirit of the Russian people, and now throwing down the gauntlet to that same people, despite all his love for them.

1 The date of the concert stated in the article ("eight days ago," i.e., October 25 according to the Julian calendar and November 7 according to the Gregorian calendar) does not correspond to the data in S. A. Satina's chronograph and Z. A. Apetian's publication (October 20 / November 2). This is most likely due to a discrepancy between the time the article was written and published.

2 The source is incorrect: V. Rachmaninoff.

3 As far as we know, Mr. Rachmaninoff did not refuse to accept the conductor's baton at the Bolshoi Theatre when preliminary negotiations were underway (Source note).

[Translation: Google]

Восемь дней¹ тому назад С. Рахманинов² выступил в большом зале венской консерватории перед многочисленной блестящей публикой, переполнившей зал, и лишь сегодня появились кое-где отзывы в печати. А между тем в Вене редок тот энтузиазм, с которым был встречен русский композитор. Большая публика, почти не знакомая с именем Рахманинова, поняла сразу, без всяких предупреждений, обычной рекламы и шума, обычно поднимаемого импрессарио, что пред ней художник большой силы, редкого таланта. И прием, оказанный Рахманинову, превзошел все ожидания. Небольшие заметки, появившиеся сегодня в газетах, подтверждают успех, выпавший на долю Рахманинова. Серьезные музыкальные критики признают в нем не только оригинального, индивидуально-сильного композитора, но считают его выдающимся пианистом. В Вене, где Рубинштейна считали своим, где выступают Зауэр и Годовский, не так легко заслужить такое внимание. Сам Рахманинов не был уверен в своей победе над венцами. И его удивленное лицо свидетельствовало о том, что все эти вызовы, весь энтузиазм венцев казались ему неожиданными, почти невероятными.

Ведь это у вас называется успехом? спрашивает меня Рахманинов, и его нижняя губа вздрагивает от волнения, несмотря на внешнее спокойствие, которым он неловко скрывает свое состояние.

В большой, неудобной «артистической» Рахманинов ждет конца концерта, в котором он был лишь участвующим. «Спасибо, что зашли», говорит он мне, и мы вполголоса продолжаем начатый разговор.

- В Париж я не поеду, нет, говорит Рахманинов - Целый месяц скитаний по немецким землям вот, что мне предстоит. Радовала мысль выступить в Вене, но еще более радует мысль выступить через месяц в Москве. Лишь там понимаешь смысл выступления, лишь там счастлив, когда играешь. Но конечная цель радует больше всего. После Москвы ждет меня деревня. Там я забуду о концертном турне и возьмусь снова за большую работу. Влечет мысль об опере... Почти все сложилось, облеклось в конкретные формы... Может быть, будет видоизменено все. Может быть, выльется в новом концерте. Но пока все помыслы устремлены в сторону оперы. В деревне можно будет отдаться своему желанию... Ничто не помешает.

Наша беседа коснулась кризиса венской оперы. Я рассказываю Рахманинову о прекрасном начинании, которое близится к осуществлению, благодаря воздействию венской прессы. Опера переживает здесь, как и в Москве, в Большом театре дирижерский кризис. После Малера трудно найти талантливого дирижера, который был бы вместе с тем хорошим администратором. И в ежедневной борьбе против неудач пришли к заключению, что прежде всего нужен человек, умеющий подчинить себе всех артистов, умеющий влиять своей художественной личностью, объединить вокруг себя всех во имя одной, большой идеи. Эта идея, конечно, будет меняться вместе с тем произведением, которое в данный момент готовится к постановке. И система дирижерских гастролей в таком учреждении, каким является венская опера, не должна пугать. Никто не сумеет инсценировать и передать Моцарта так, как это делает Малер. Почему наряду с постоянным дирижером и руководителем оперы нельзя пригласить Малера и других?

Рахманинов в восторге от этого начинания.

Вот бы и нам для Большого театра то же самое, говорит он.

Я вспоминаю, что ведь и о нем идут переговоры, что и Рахманинова старались привлечь на почти такую же роль в Большой театр. Но он с искренним ужасом отбивается всеми силами от этого предположения.

Никогда не пойду, - говорит он, — даже если предложат большие деньги³. Им не такой человек нужен, как я. Все вот обвиняли Федю, кричали: «Шаляпин -скандалист!» Это верно, — хохочет Рахманинов, — Федя скандалист. Они там его «духа» боятся. Вдруг крикнет, а то и ударит! А кулак у Феди могучий... И за себя он постоит... Но как прикажете иначе? Ведь у нас за сценой точно трактир. Орут, пьют, ругаются последними словами. Где же тут творчество и возможность работать? Им нужен «скандалист» Шаляпин, от которого все прячутся в углы, чтобы избежать скандала. Но ведь и это не работа, а вечное раздражение и враждебное отношение подчиненных к своему шефу. При таких условиях ничего не создашь. А между тем создать многое можно...

В словах Рахманинова много горечи и мягкой печальной насмешки по отношению к условиям, в которых приходится работать на родине.

«Трактир, а не театр», говорит мне Рахманинов, прислонившись к роялю и изящно забрасывая руку над коротко остриженной головой. И я смотрю на эту европейскую фигуру, с истинно русским лицом, глубоко задумчивым, почти страдальческим и вместе с тем та-ким мягким, смотрю и вспоминаю «Федю», человека великого таланта, впоенного и вскормленного русской землей, возвращенного великим духом русского народа и ныне бросающего перчатку тому же народу, несмотря на всю свою любовь к нему.

1 Указанный в статье день концерта («восемь дней назад», то есть 25 октября по юлианскому и 7 ноября по грегорианскому календарю) не соответствует данным хронографа С. А. Сатиной и публикации З. А. Апетян (20 октября / 2 ноября). Скорее всего, это объясняется расхождением во времени написания и публикации статьи.

2 В источнике ошибочно: В. Рахманинов.

3 Насколько нам известно, г. Рахманинов не отказывался принять дирижерскую палочку в Большом театре, когда шли об этом предварительные переговоры (Примеч. источн.).